

Оглавление

Благодарности	8
Введение	10
Глава 1. Провинциальное местное общество.	17
1.1. Местное общество	18
1.2. Типология местных обществ	23
Глава 2. Методология	29
2.1. Методология и метод.	29
2.2. Эмпирические материалы	35
Глава 3. Формальная и неформальная экономики провинции	41
3.1. Две экономики провинции.	42
3.2. «Первая экономика»	45
3.3. «Вторая экономика»	48
3.4. Связь неформальных хозяйственных практик с селитебной структурой	55
Глава 4. Местная формальная экономика	60
4.1. Бюджетная сфера	60
4.2. Сфера материального производства	67
4.3. Сфера услуг	69
Глава 5. Домашние промыслы.	75
5.1. «Ресурс» как критерий классификации промыслов.	77
5.2. Архаические и современные промыслы	86
5.3. Многообразие домашних промыслов населения	98
5.4. Промысловые практики в разных местных обществах	102

5.5. Промысловые практики в отдельных общинах и поселениях	111
5.6. Модель «промысловой эволюции».	117
Глава 6. Малый бизнес и индивидуальное предпринимательство	126
6.1. Малый бизнес	126
6.2. «Гаражная экономика» и теневое индивидуальное предпринимательство	129
Глава 7. Архаическая экономика: отходничество	135
7.1. Специфика внутренней возвратной трудовой миграции	136
7.2. Отходничество в имперской России	138
7.3. Короткая история отходничества в советский период.	144
7.4. Два периода развития современного отходничества.	148
7.5. Состав современных отходников	153
7.6. Характерные черты современного отходника	157
7.7. Отходничество как новый экономический политический фактор	161
Глава 8. Архаическая экономика: «рассеянные мануфактуры»	168
8.1. История «рассеянной мануфактуры».	169
8.2. Признаки классической и современной российской «рассеянных мануфактур»	173
8.3. Особенности организации «рассеянных мануфактур»	177
8.4. Общие черты современных «рассеянных мануфактур»	186
8.5. Концепция промысловой и технологической уникальности.	190
8.6. О причинах реновации архаических экономических институтов — отходничества и «рассеянных мануфактур»	193

Глава 9. Типы обществ и виды промыслов	197
9.1. Тип изолированных обществ естественного развития	201
9.2. Тип изолированных обществ принудительного развития	205
9.3. Типы «ординарных» обществ естественного и принудительного развития	209
9.4. Тип «турбулентных» обществ естественного развития	215
9.5. Тип «турбулентных» обществ принудительного развития	218
9.6. Типические различия промысловых практик	220
Заключение. Десять преимуществ неформальных промысловых практик в жизнеобеспечении домохозяйств	226
Приложение	231
Библиография	248

Благодарности

Инициатива моих исследований промысловых практик населения провинциальных местных обществ исходила от проф. С.Г. Кордонского и коллеги А.Б. Павлова. Начиная с 2015 г., когда на семинаре Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» они обратили особое внимание на промысловые практики домохозяйств, я осуществляю полевые наблюдения этой хозяйственной деятельности населения. В течение всех последних лет мы вели напряженные дискуссии по данной проблематике на ежегодных семинарах Фонда, что помогло мне уточнить многие специальные вопросы по этой теме. Ряд статей, которые предшествовали монографии и материалы которых использованы здесь, были опубликованы мной с С.Г. Кордонским совместно.

Эмпирические материалы собирались во время проведения 47 экспедиций, большинство из которых финансировалось Научным фондом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и программой «Открываем Россию заново». Два проекта Научного фонда НИУ ВШЭ были специально посвящены моим исследованиям промысловых практик населения: проект № 17-01-0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества» в 2017–2018 гг. и проект № 19-01-67 «Промыслы провинции: организация неформальных экономических практик населения» в 2019–2020 гг. Несколько экспедиций программы «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ были специально посвящены изучению неформальных хозяйственных практик населения в 2017–2019 гг. Я привлекал к участию студентов, аспирантов и молодых преподавателей университета. К настоящему времени это большая группа исследователей, насчитывающая полторы сотни человек. Среди них считаю необходимым особо отметить с благодарностью за участие в нескольких экспедициях и обсуждение вопросов А.А. Позаненко, О.А. Моляренко, Л.Г. Романову, С.С. Селева, В.М. Плюснина, Г.А. Сталинова, А.В. Гришечкина, М.С. Олянчу-

ка, О.Д. Писарева, Е.В. Степанову, И.Д. Иващенко, И.И. Зарипова, А.С. Пьянову, А.С. Шукюрова, Г.А. Клименко.

Кроме того, часть материалов была получена с привлечением средств Фонда социальных исследований «Хамовники» в 2016–2018 гг. (проект № 2016 001 «Этно-социальный потенциал территории: жизненные установки и экономическое поведение населения Еврейской автономной области»), а также по результатам проекта «Социальная структура российского провинциального общества», осуществлявшегося на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в 2011–2015 гг. (проекты № 2011-002, № 2013-007).

Введение

Провинциальный промысел — это прежде всего самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей. Это определение акцентирует внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности населения, включающей нерыночные обмены, имеющей главным образом не экономический, а хозяйственный акцент и связанной с низкой структурой локального сообщества (см. также: [Павлов, Селеев, 2015, с. 26]).

Неформальная занятость (самозанятость) российского населения в постсоветский период приобрела очень значительные масштабы. Они особенно внушительны в провинциальных местных обществах, где от 1/3 до 1/2 и более всего трудоспособного населения занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счет промыслов самого разного вида (см.: [Плюснин и др., 2013], здесь же мы даем развернутое определение самозанятых отходников, с. 14–26). Между тем, несмотря на понимание масштабов и значения самозанятости в среде экономистов и социологов, до сих пор не существует детализированного эмпирического описания видов и форм промысловой активности населения, находящейся вне поля формальной экономики. Одна из главных причин этого состоит в необходимости изучения таких практик на основе непосредственных наблюдений, поскольку статистическими методами и анкетными опросами многообразие промысловых практик провинции не может быть выявлено.

Проблема также заключается в систематизации форм и видов промыслов домохозяйств провинциальных местных обществ и в типологии промысловых практик в зависимости от региона и вида поселения (деревня, село, город) и, соответственно, основной занятости населения. Безусловно, важна и география местности, эко-

лого-климатические условия, которые определяют специфические виды промысловых практик, их распространенность на территории. До середины прошлого века исследований кустарных промыслов было очень много, тем не менее систематического описания промыслов до сих пор нет. Да и сам я мои собственные попытки систематизации промысловой активности населения не рассматриваю как успешные, поскольку не определен исчерпывающий список критериев и не выделены единые основания. Слишком разнообразны практики, физические, экономические и социальные условия их реализации. Требуются более широкие эмпирические исследования.

Между тем и в наше время эта неформальная хозяйственно-экономическая активность очень масштабна и разнообразна. Во многих случаях она является основным или единственным источником жизнеобеспечения домохозяйств, особенно в провинции. При этом такая активность, оставаясь преимущественно неформальной и теневой, вызывает все большее беспокойство органов государственной и местной власти, фискальных институтов. Самые яркие последние примеры — проблема двух десятков миллионов российских отходников (внутренних возвратных трудовых мигрантов) [Plusnin et al., 2015] и, шире, всего самозанятого населения, численность которого даже официальной статистикой оценивается теперь в более чем 40 млн человек: (*«Тут накопилась масса негативных явлений. В России из 86 млн граждан трудоспособного возраста только 48 млн работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»* [Второе пленарное заседание..., 2014]). Подавляющая часть этих самозанятых работников, как бы отсутствующих в местной экономике, занята как раз промыслами.

Исследования промысловых практик населения, особенно неформальной хозяйственно-экономической активности, необходимо разделить на три отчетливо различающихся периода:

- 1) примерно до середины XX в., когда исследования были многочисленны, отражая масштабность промысловой активности крестьянского населения Российской империи и СССР;
- 2) послевоенный советский период, для которого характерно практически полное отсутствие исследований;

3) постсоветские годы — период возобновления исследовательского интереса к неформальным экономическим практикам населения.

В первый период дореволюционная и советская довоенная промысловая активность (кустарное производство) и кооперативное движение населения России были масштабны и превосходили, по многим оценкам, аналогичную экономическую активность населения во всех других государствах Европы (см., например: [Торгово-промышленная Россия, 1899; Кустарная промышленность России..., 1913; *The Cambridge Economic...*, 1978; Кулишер, 2004; Гиндин, 1925; Минц, 1926; 1929; Владимирский, 1927; Blum, 1992; Водарский, Истомина, 2004; Павлов, Селеев, 2015]). Однако с середины XX в. такие исследования прекратились, что стало прямым следствием целенаправленного разрушения самостоятельной промысловой активности населения, включая кустарное производство и промысловую кооперацию [Blum, 1992; Селеев, Павлов, 2016]. В постсоветский период, особенно начиная с 2000-х годов, такие исследования возобновились, что, по-моему, в равной степени вызвано как кризисными явлениями в российской экономике [Буев, 2010; Чепуренко, 2008; Алимова и др., 2011; Гимпельсон, Капелюшников, 2014], так и новыми мировыми экономическими тенденциями, в частности распространением неформальной, неполной и негарантированной занятости [Скотт, 1999; Ильин, 2010; Барсукова, 2003а; 2004; 2015; *Linking the Formal...*, 2006; Коклан и др., 2010; Стэндинг, 2014; Collier, 2013; Dekkers, Bennett, 2009; Barsukova, Radaev, 2012; Kostakis, Bauwens, 2014; Kühnle, Bitsch, 2015; Bopp, 2010; *The Global Encyclopedia...*, 2018; Plusnin et al., 2015].

Эти три последних аспекта занятости (распространение неформального, неполного по продолжительности труда и отсутствие гарантированной оплаты), безусловно, предполагают нарастание интересов исследователей к промысловым практикам населения. Тем более что такие хозяйственно-экономические практики в провинциальной России многообразны и широко представлены. Несомненно, важно и то, что они по преимуществу являются неформальными (теневыми, в том числе и незаконными) способами жизнеоб-

спечения населения и составляют до половины и более совокупного дохода среднего домохозяйства.

На разных территориях промыслы сильно разнятся в зависимости от природных условий (лесные, водные или земельные ресурсы, эколого-климатические условия), от социально-демографических (плотность населения и характер его расселения), социально-экономических (специализация местных экономик, исторически сложившиеся основные модели жизнеобеспечения домохозяйств и т.п.), инфраструктурных характеристик (транспортная, промышленная, энергетическая, селитебная и коммунальная структура), а также и от социально-политической ситуации (возникновение критических явлений в экономике и сопровождающие их политические кризисы, жизнь в условиях мобилизации).

В результате действия специфической совокупности условий на отдельных территориях формируются специфические же, нередко уникальные, виды промысловых практик. Исследования нашей группы, осуществляемые под руководством С.Г. Кордонского, позволили выявить и описать такие специализированные и массовые виды промыслов, как отходничество [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], «рассеянная мануфактура» [Кордонский, Плюснин, 2018; Plusnin, Kordonsky, 2020], «гаражная экономика» [Павлов, Селеев, 2015; Селеев, Павлов, 2016], архаические и современные промыслы на основе добычи и использования натуральных и инфраструктурных ресурсов [Плюснин, 2018а; 2022], особые практики «народного освоения» государственных ресурсов [Кордонский, 2000; Вахитов, 2017].

Предмет данного исследования — промысловая активность домохозяйств в провинциальных местных обществах: в малых и средних городах, их пригородах, и в сельской местности России, где население в силу низких денежных доходов при формальной занятости вынуждено искать разнообразные иные источники дохода. Поэтому объектом исследования стали не отдельные домохозяйства, а местные общества и общины в их составе. В силу этого в следующей главе я определяю концептуальные рамки, охватывающие промысловые практики домохозяйств в контексте локальных социальных взаимодействий. Эмпирическим основанием реализации

этого проекта явились мои полевые социологические исследования последних двух десятилетий, позволившие сформулировать несколько взаимосвязанных гипотез, проверяемых в данной работе.

Базовая (исходная) гипотеза: формы и виды промысловой активности домохозяйств различаются в зависимости от типа и масштаба поселений. Как было показано нами ранее [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], отхожие промыслы (возвратная трудовая миграция) характерны преимущественно для сельской местности и таких малых городов, которые фактически являются селами вследствие полного отсутствия местного рынка труда в последние 30 лет. В малых городах (в том числе моногородах), где в советские годы имелось специализированное производство, сформировались такие своеобразные виды промысловой активности, как «рассеянные мануфактуры». В провинциальных средних и крупных городах, где местный рынок сравнительно развит, но недостаточен для полной занятости населения, сформировалась «гаражная экономика» — промыслы, реализуемые на базе гаражных кооперативов. На фоне этих хотя и массовых, но специфических архаических промысловых практик повсеместно присутствуют разнообразные промыслы домохозяйств, практикуемые на месте, дома (поэтому я условно называю их домашними промыслами). Они осуществляются с использованием самых разных видов ресурсов.

Вторая гипотеза: на уровне провинциальных местных обществ в целом поддерживается многообразие форм промысловой активности, хотя отдельные домохозяйства и специализируются в разных видах промыслов. Таким образом, в сообществе сосуществуют как традиционные, архаические виды промыслов, так и современные, вновь создаваемые на основе новых ресурсов. Предполагается, что это обеспечивает хозяйственно-экономическую устойчивость местного общества.

Третья гипотеза: хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации в одном или немногих видах промыслов. Выбор домохозяйством одного или немногих видов промыслов обусловлен двумя факторами: снижением трудозатрат и ростом маржинальности. В случае, если это приносит сколько-нибудь ощутимую выгоду, домохозяйство начинает специ-

ализироваться, оставляя другие виды практик. Возможна иррадиация наиболее выгодных и наименее трудоемких практик сначала в границах отдельных поселений, затем в границах общин и целых местных обществ. В результате этого происходит промысловая специализация: большинство домохозяйств местного общества заняты одними и теми же немногими видами промыслов. Со временем специализация снижает экономическую устойчивость таких обществ и сопротивляемость неблагоприятным внешним воздействиям. Предполагаю, что это одна из причин появления «выморочных» поселений уже в наше время, в последние 30 лет постсоветского периода. Устойчивость снижается сильнее, и «выморачивание» поселений происходит быстрее в случае специализации местных обществ в современных видах промыслов. В случае же сохранения архаических видов промыслов, даже если большинство домохозяйств специализируются в них, местные общества сохраняют значительную устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям.

В соответствии с этими тремя выдвинутыми гипотезами мною планировались следующие основные результаты, зафиксированные в качестве задач исследования:

- 1) доказательство промысловой специализации обществ в зависимости от типа поселений;
- 2) доказательство сочетанности архаических и современных видов промыслов;
- 3) доказательство предположения, что хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации, а это в результате приводит к промысловой специализации всего местного общества и может стать причиной его социальной деградации и снижения устойчивости к внешним воздействиям.

Помимо теоретической значимости работы — описательного и объяснительного характера исследований — я вижу и немалую практическую ее значимость. Это обусловлено масштабностью явления неформальной промысловой активности населения, ее жизненной значимостью для людей. Кроме того, результаты могут иметь значение для практики государственного и муниципального управления,

во-первых, хотя бы в силу их фискальной ценности, а во-вторых — как основное условие и база для развития индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса. Исследование многообразия и уникальности таких промысловых практик позволяет, в интересах государственного управления, дать оценки социально-экономической и социально-политической устойчивости провинциального российского общества в ситуации складывающихся на наших глазах перманентных внешних угроз и возрастания внутренних экономических и социально-политических рисков. Насущная необходимость перехода не только к мобилизационной экономике, но и к мобилизационному управлению требует особо высокой устойчивости «низового общества». А именно практики жизнеобеспечения, относительно независимые от формальной экономики, и являются, по моему мнению, той основой, которая обеспечит социальную и политическую стабильность нашего общества.

Глава 1

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

«Провинциальное общество» есть, по сути, всего лишь отвлеченная социологическая конструкция, определяемая в терминах периферии и центра (см. подробнее: [Плюснин, 2022, с. 24–27]). Как таковое оно не является ни обозримым, ни целостным, ни даже реальным объектом. Это лишь совокупность множества локальных сообществ. При этом само сообщество есть также лишь в ограниченной степени целостный объект, поскольку состоит оно всегда из нескольких общин. В редких особых случаях сообщество состоит из одной общины. Каждое такое локальное общество связано со своими соседями в значительной, малой или почти никакой (исчезающе малой) степени. Чем выше степень пространственной изоляции, тем более целостным, самодостаточным представляется сообщество и тем оно все больше приближается к одной-единственной общине. Когда, напротив, разнообразные связи очень сильны, локальное сообщество почти растворяется в своих соседях и выделить его как особость, определить, где проходят границы (помимо административных) территориальные и социальные, практически не представляется возможным. Такие почти «растворенные» сообщества невозможно выделить как отдельность, как особый социальный объект, если только не обращаться к социальной самоидентификации их членов (по проблеме социальных границ см. специально: [Tajfel, Turner, 1979; Social Identity and Intergroup..., 2010; Gowland, Thompson, 2013]).

Напротив, более содержательным понятием является «провинциальное местное общество». Я определяю его как территориально организованную совокупность общин, члены которых связаны род-

ством, соседством и реципрокной поддержкой, обитают на общей, контролируемой собственными силами территории и ведут экономическую деятельность, основу которой и составляет неформальная экономика (промыслы), на принципах кооперации и координации (более подробно дефиниция местного общества представлена в [Плюснин, 2022, с. 27–28]). Отдельные общины поддерживаются механизмами самоорганизации, а их базовые институты сохраняют архаические элементы в значительной степени. Прочность связей между общинами обеспечивается исторической общностью и государственными административными механизмами. В связи со сказанным необходимо определить популяционный, территориальный, а также пространственный и административный аспекты организации местного общества.

1.1. Местное общество

Первым ключевым вопросом о провинциальном местном обществе является вопрос о его составе. Я называю это проблемой социально-территориальной организации [Там же, 2022, с. 35–39]. Любое местное общество составлено из нескольких территориальных общин, в предельном случае (обычно изолированном) образовано одной общиной. Провинциальная община, не только сельская, но и городская (что специфично именно для российских условий), является самоорганизующимся объединением домохозяйств, связанных соседско-родственными, реципрокными социальными, кооперативными хозяйственными и эмпатийно-чувственными отношениями, а в более широком социальном масштабе — принадлежностью к одной культуре. Самосознание членов такого самоорганизованного сообщества, общины, полагает себя локальным единством, тем самым ассоциируя контролируемую ими территорию с «малой родиной».

Большинство современных местных обществ состоит не из одной общины, а из одного-двух десятков общин. Обычно община конституируется в составе не одного населенного пункта, а *куста* нескольких небольших поселений. Отдельными поселениями община бывает представлена в центре и на юге Европейской России,

на Урале, на юге и крайнем севере Сибири. Такие отдельные поселения-общины достаточно велики, нередко их численность составляет от нескольких тысяч до полутора десятков тысяч человек. Община-поселение может контролировать территорию от нескольких квадратных километров (на юге) до нескольких десятков квадратных километров (в центре). Иначе дело обстоит на Русском Севере и на западе России. Здесь община состоит из куста деревень, который называется «округой», или «сельской округой» (ранее просто «округа» или «куст»); это несколько деревень и сел (до нескольких десятков), тесно связанных территориально, исторически и экономически. Обычно «куст» или «округа» представлены жителями, находящимися в разных степенях родства, поскольку подавляющее большинство их проживает безвыездно на территории в течение нескольких поколений. Различия в первом и втором случаях — между общинами, состоящими только из одного поселения и общинами-«кустами», включающими несколько небольших деревень, — обусловлены большей численностью поселений и меньшей контролируемой площадью территории центральных, южных и сибирских деревень по сравнению с северными и западными, а также более развитой транспортной инфраструктурой первых. Современная провинциальная российская община сохраняет важнейшие признаки традиционной общины, выделенные еще Ф. Теннисом [Toïnnies, 1887, S. 17]. Общины одного местного общества связаны между собой исторически и административно. Административное единство в большинстве случаев просто наследует исторические связи. Кроме того, связь упрочена и церковной структурой. Так что локальное общество в организационном отношении пространственно скреплено, как и прежде, родственно-соседскими связями, а в дополнение к ним — государством и церковью.

Многие местные общества в составе их общин имеют длительную историю существования и давно сложившиеся, исторически обусловленные границы. Очень часто и современные административные границы были установлены в соответствии с исторически сложившимися границами между издавна существующими местными обществами или сами местные общества формировались и вырастали в административных границах, создаваемых государ-

ством по резонам экономическим или географическим (как на Урале и в Сибири и особенно на Дальнем Востоке России). Так что нередко оба типа границ, исторические и административные, совпадают.

Община есть социальная целостность, единство, сформированное на «*крови и почве*». Она существует актуально как часть локального общества или может быть, при определенных условиях, самодостаточной, самоорганизующейся и самоуправляющейся системой. Местное общество есть совокупность — композиция — общин, но не всегда оно есть целостное социальное образование.

Второй и третий вопросы, о пространственных границах и территории, естественно вытекают из вопроса о численности местного общества. Только в двух случаях эта задача легко разрешима: в случае полной пространственной изоляции сообщества и в случае наличия непреодолимой физической границы, отделяющей конкретное сообщество от соседей. Но обычно оба случая совпадают. Любое местное общество создает и имеет границы постольку, поскольку оно существует в физической среде, в пространстве, и граница, отделяющая часть пространства от всего остального, превращает это пространство в территорию. Территория есть неременное условие существования сообщества и жизнедеятельности его членов, поскольку ее размеры зависят от минимально необходимого количества ресурсов, собираемых или производимых для жизнеобеспечения и воспроизводства членов сообщества. Граница задает (определяет) также и территориальную структуру сообщества. А эта последняя, в свою очередь, конституирует сообщество как целостную отдельность. Поэтому территория и ее граница есть обязательный исходный пункт как для состава, так и для структуры любого сообщества. Собственно говоря, территория и создает общину (ср.: [Мердок, 2003, с. 106–108]).

Можно предположить, на основе как эмпирических, так и теоретических соображений, что минимальный размер местного общества составляет не менее 100–500 человек, включая все возрастные когорты (20–150 домохозяйств). Максимальный размер указать гораздо труднее: по моему мнению, это может быть примерно 20–30 тыс. человек (7–10 тыс. домохозяйств). Вероятно, локальное единство и способность к самоорганизации после этого начинают

быстро утрачиваться, и при численности более 40–50 тыс. человек такое единство локальности и взаимная поддержка могут уже слабо ощущаться и самими членами сообщества. Тогда утрачивается локальность вместе с целостностью, то есть утрачивается способность к спонтанной самоорганизации и самоуправлению (обоснование этих расчетов см. подробнее в [Плюснин, 2022, с. 28–32]). На этих масштабах численности необходимы внешние скрепы, каковые и предоставляет предназначенный для этого институт государства (ср.: [Johnson, Earle, 1987; Carneiro, 1981; State Formation and Political..., 1988; Крадин, Лынша, 1995]). Соотнеся сделанные мной оценки с эмпирическими данными, следует указать реалистичные пределы: 100–500 взрослых индивидуумов есть нижняя граница, 40 тыс. человек (включая детей) есть граница верхняя; 20–30 тыс. есть численность большинства наших локальных сообществ. Переводя эти значения в количество общин, составляющих сообщества, следует указывать от 1 до 10–20 таковых. Неопределенность (расплывчатость) верхней оценки количества связанных воедино общин обусловлена как разной численностью членов этих общин (от 50–100 человек до 1000–3000 человек), так и вариативностью количества отдельных поселений в одной отдельной общине (от одного до нескольких десятков).

Определяя физические границы, мы тем самым определяем во многом и социальные границы. Основная причина этого заключается в определенных (граничных) значениях плотности популяции. Усредненные значения плотности могут варьировать в очень широких пределах: от мизерных 0,01 человека на 1 км² (что соответствует 1 человеку на 100 км²) до 100–200 человек на 1 км² (то есть 1–2 человека на 1 га). Но и в первом и во втором случае это свидетельствует о плотности распределения жизненно значимых природных ресурсов, необходимых для поддержания жизнедеятельности общины и всего местного общества. В первом случае это природные ресурсы, а во втором — почти всегда ресурсы социальной природы, созданные деятельностью человека (их правильнее было бы определить как «культурные ресурсы», то есть ресурсы возделанные).

Однако большее значение имеет не средняя плотность населения на всей территории, а плотность населения в администра-

тивном центре сообщества, так как в рамках концепции «центр — периферия» (см.: [Shils, 1975, р. 3–16, 34–47]), или — что то же — в рамках вводимого мной пространственно-организационного принципа общественной жизни любое сообщество всегда представлено двумя комплементарными структурными составляющими: административным центром (обычно малый город) и его сельской округой (см.: [Плюснин, 2022, с. 39–40]). «Разреженность» пространства в среднем может быть и очень велика, но центр должен быть заселен, и заселен с определенной плотностью, не ниже минимально допустимой.

В русском провинциальном обществе плотность в центре составляет, по моим наблюдениям, от 300 до 1000 человек на 1 км², в среднем примерно 400–500 человек на 1 км². Плотность домохозяйств в деревнях сельской округи, конечно, ниже, примерно в 3–10 раз. Поскольку даже по советским официально утвержденным нормативам на одно домохозяйство в селе выделялось не менее 4000 м² земли для хозяйственной деятельности. И это именно та площадь земли, которой достаточно для самообеспечения в умеренном климате России [Кулишер, 2004, с. 207–223]. Но при этом норматив на домохозяйство в малых городах и поселках составлял — и до сих пор составляет — от 400 до 1500 м² (в селах, ставших центрами обществ, норматив выше). Таким образом, исторически сложившаяся плотность обитания (не хозяйствования!) в административном центре провинциального сообщества составляет 500 человек на 1 км² (lim: 300–1000); в деревнях сельской округи плотность снижается на порядок (30–100 человек на 1 км²), а к окраинам контролируемой территории плотность обитания понижается еще сильнее, вплоть до близких к нулевым значениям. Впрочем, определяющее значение имеет не средняя плотность сама по себе, а градиент плотности населения по территории от центра к границам. Градиент плотности определяет территориальную структуру сообщества, является, на мой взгляд, основанием для развития социальной структуры.

Поселения сельской округи могут быть сравнимы со своим центром по численности населения, по истории, могут располагаться в более удобном или даже центральном месте на территории, но если они не облечены административными функциями, то не рассма-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru